

© 1995 г., СЭ, № 5

М. М. ГРОМЫКО

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ РЕЛИГИОЗНОСТИ НАРОДА: ЗАМЕТКИ О ПРЕДМЕТЕ, ПОДХОДАХ И ОСОБЕННОСТЯХ СОВРЕМЕННОГО ЭТАПА ИССЛЕДОВАНИЙ

Этнография (этнология) изучает не религию как таковую, не догматы ее, а жизнь религии в конкретном этносе, или в этнической группе, или в этно-социальной общности. В предмет данной отрасли науки входит не религия, а религиозность, т. е. функционирование вероучения: религиозное сознание, вероисповедная практика и духовный опыт народа или отдельных его частей. Здесь нет совпадения с предметом богословия, хотя знание основ последнего, знание катехизиса, разумеется, необходимо для этнолога, исследующего духовную жизнь. Такой подход не только позволяет провести разграничение задач этнологии с богословскими дисциплинами, но выявляет органичность исследований религиозной жизни именно в составе этнографической науки. Богословы не изучают, как верили дворяне или купцы, как верит современный интеллигент и современный крестьянин. Разумеется, разграничение здесь, как и в любой области науки, носит относительный характер. Скажем, ни у кого не вызывает сомнений принадлежность вопросов о посещении храмов мирянами, поведении в них, оценке ими значения посещения и проч. к этнографии и социологии — богословы этим не занимаются. Подобным же образом и изучение круга вопросов, связанных, например, с жизнью икон в доме (происхождение, состав, преемственная передача, способы размещения в интерьере и проч.) однозначно воспринимается как этнографическая задача — ясно, что богословие этим не занимается. Но сложнее обстоит дело с принадлежностью к тем или иным дисциплинам проблем символики храма или символики иконографии, а тем более проблем почитания святых и святынь. Здесь неизбежно пересечение с богословием, историей, искусствоведением. Между тем без этих проблем невозможно серьезное изучение места храма и икон в духовной жизни какой-либо общности. В сущности, вся область религиозного сознания этноса при попытках даже относительно глубокого рассмотрения ее оказывается в таком же положении: тесного соседства и наложения разных дисциплин.

Простейший выход из этого затруднения подсказывает практика введения в качестве объекта этнографической науки лишь необразованной части этноса, преимущественно крестьянства (в меньшей степени — демократических слоев города), при утверждении, что собственно церковная традиция для этой части населения есть нечто чуждое и внешнее, навязываемое ей извне. Тут же на помощь исследователю приходит понятие «верования» (вариант — «народные верования», заменяющее понятие «вера»). Оно позволяет рассматривать любые более или менее случайные факты религиозных или околорелигиозных представ-

* В этом разделе представлены разработки проблемной группы «Этноконфессиональных исследований» Института этнологии и антропологии РАН. Они отражают одно из направлений в современном религиоведении. Редакция приглашает читателей к обсуждению поднятых здесь проблем.

лений без малейшей попытки воспроизвести религиозное сознание в целом. К этому нередко добавляется научная практика (употребляю этот термин потому, что в теории это, кажется, никогда не утверждалось, а если бы и утверждалось, то не выдержало бы ни малейшей критики) относить всю демонологию почему-то к дохристианским «верованиям», словно бы христианство не признает существования злых духов.

Этот выход из сложностей, возникающих при изучении религиозности этноса, неудовлетворителен по трем основаниям.

1. Объектом этнографических исследований является народ (этнос) по самому определению этой науки, а не отдельные его части, выделяемые по социальному признаку. Хотя, разумеется, для конкретного исследования может быть выделена какая-то часть народа. Никакая наука не развивается равномерно во всех своих разделах. Отдельные исследователи и даже научные направления, и периоды в развитии этнографии могут уделять преимущественное внимание привилегированным или демократическим слоям, но в целом следует, по-видимому, признавать равное значение престолярной и аристократической традиций в этнической истории, в формировании лица нации.

Невозможно охарактеризовать религиозное сознание, вероисповедную практику и духовный опыт русского или турецкого, или другого народа без учета духовной жизни и крестьянства, и аристократии¹, и купечества, и духовенства, а также и особенностей отдельных групп внутри каждой из этих общностей. Письменная традиция — такая же неотделимая часть религиозной культуры этноса, как и устная; они составляют неразрывное единство.

2. Верующие люди из так называемого простого народа всегда приобщались и приобщаются теми или иными путями к религиозной культуре в целом, они не отгорожены от нее, они исходят из догматических основ исповедуемой религии, получая сведения от людей, профессионально ими владеющих. Так, неграмотный русский крестьянин постоянно бывал на церковных службах, т. е. непосредственно приобщался к церковной традиции. Кроме того, многие из них (неграмотных) слушали чтение вслух Евангелия, молитв, акафистов грамотными членами семьи (в том числе обучавшимися детьми) или соседями, заучивали наизусть молитвы, жития святых и проч.² Певчими в сельском храме были, как правило, те же крестьяне, усваивавшие нередко и порядок службы; иные из них становились уставщиками — знатоками устава.

Глубокое духовное просвещение шло через контакты со старцами в общежительных монастырях и скитах. Паломничество к ближним и дальним святыням и старцам носило в России массовый характер, поэтому такое общение не было редкостью. Тесный духовный союз благочестивых крестьян и простых горожан с лучшей, подвижнической частью духовенства составил основу духовности России. По-видимому, ослабление этого союза (снижение уровня религиозности, уменьшение количества праведников и обращающихся к ним) и сделало возможной революцию. Ослабление шло преимущественно под воздействием движения в дворянско-разночинной интеллигентской среде. Изучение этого союза в его практическом осуществлении есть основа исследования духовного опыта народа.

3. Уровень религиозной духовности не зависит от образования. Каждый человек из собственного жизненного опыта легко может представить себе богословски образованного неверующего и глубоко верующую прихожанку («бабушку») совсем без образования. Обращение к «Жизнеописаниям отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков» (14 томов, вышедших в начале XX в. и переиздаваемых в наши дни³) обнаруживает всю гамму социальных градаций в составе отмеченных в этом издании лиц, наиболее известных своим благочестием и способностью духовно окормлять других. Подобная же картина обнаруживается в других источниках — ведомостях о составе монашествующих и монастырских летописях, «Епархиальных ведомостях» и др. Многие крестьяне и крестьянки были настоятелями и духовниками монастырей, игуменьями⁴. Столь же разнооб-

разен социальный состав и представителей «духовности» противоположного направления — колдунов, гадалок, оккультистов, ереснархов и др. Ведь и в современном мире у всех монотеистических народов есть колдуны и оккультисты — можно ли на этом основании считать все народы «двоеверами»?

Мы уже имели возможность на страницах данного издания, а также журнала «Живая старина» обозначить ряд существенных этнографических проблем изучения православных традиций у русских, преимущественно у крестьян⁵, поэтому нет необходимости повторять их здесь. Даже далеко не полный и беглый перечень проявлений православной жизни, подлежащих этнологическому исследованию, выводит его за пределы быта. Разумеется, при исповедании любой веры у любого слоя населения обязательно будут проявления этой веры в быту. Они просто не могут не быть. Ученый может даже искусственно выделить их как предмет своего конкретного исследования, оторвать от остальных проявлений веры (ведь любое выделение предмета исследования условно). Но при этом он не должен считать, что только они, эти проявления в быту, и существовали. Да, были проявления православия в быту, но не было «бытового православия».

Трудности изучения религиозности на современном этапе связаны не только с исключительной сложностью самого предмета исследования и определенными особенностями, унаследованными от историографии советского периода, о которых шла речь выше. Унаследована от предшествующего периода еще и привычка считать атеистическое мировоззрение не только единственно правильным, но и единственно возможным в науке. Стоит только автору при изложении тех или иных вопросов религиозности проявить себя верующим человеком, а тем более, положительно отозваться о вере или деятельности церкви, как немедленно перо редактора выводит из поля привычное слово «апологетика», а к статье предьявляется множество претензий и пожеланий и, наконец: «Не можете ли Вы опубликовать ее в другом издании?» Почему это мы так легко и долго принимали апологетику революционной деятельности (в сущности, апологетику насилия) и так боимся апологетики (да, полно, апологетика ли это или лишь простая констатация положительных сторон) религиозно-нравственных основ культуры?

Атеист вправе считать свое мировоззрение единственно научным (ему как-то удается забыть о всех хиросимах и чернобылях, построениях социализма и коммунизма и других результатах, которые породила «точная и трезвая» материалистическая наука, и он свято верит — да, да, это — вера — в ее непогрешимость). Но он не вправе (это предусмотрено нашим законодательством) мешать верующему ученому, не вправе требовать, чтобы взгляды последнего не отражались в исследовании. Атеист видит преимущество в том, что он изучает религиозность этноса со стороны, не будучи причастным к ней. Верующий в Бога человек считает преимуществом как раз причастность свою к вере, место которой в народной жизни он изучает.

Так что же, диалог и, тем более, взаимное использование результатов исследований невозможны? Разумеется, возможны, ибо истина — одна, и малые крупницы ее, полученные добросовестными учеными, складываются в некое единство. Верующими были Ньютон, и Лейбниц, Кант и Менделеев, Пирогов и Павлов⁶. А вот в каком ключе писал о религиозности народа В. О. Ключевский: «Когда вместе с разнообразной, набожно крестящейся народной волной вступаешь в ворота Сергиевой Лавры, иногда думаешь: почему в этой обители нет и не было особого наблюдателя, подобного древнерусскому летописцу, который спокойным неизменным взглядом наблюдал и ровной бесстрастной рукой записывал, „еже содеяся в Русской земле“, и делал это одинаково из года в год, из века в век, как будто это был один и тот же человек, не умиравший целые столетия? Такой бесценный и не умирающий наблюдатель рассказал бы, какие люди приходили в течение 500 лет поклониться гробу Преподобного Сергия и с какими помыслами и чувствами возвращались отсюда во все концы Русской земли. Между прочим он объяснил бы нам, как это случилось, что состав общества, непрерывною волной притекавшего ко гробу Преподобного, в течение пяти веков оставался неизмен-

ным. Еще при жизни Преподобного, как рассказывает его жизнеописатель-современник, многое множество приходило к нему из различных стран и городов, и в числе приходивших были и иноки, и князья, и вельможи, и простые люди, „на селе живущие“. И в наши дни люди всех классов русского общества притекают к гробу Преподобного со своими думами, мольбами и упованиями, государственные деятели приходят в трудные переделы народной жизни, простые люди в печальные или радостные минуты своего частного существования. И этот приток не изменялся в течение веков, несмотря на неоднократные и глубокие перемены в строе и настроении русского общества: старые понятия иссякали, новые пробивались или наплывали, а чувства и верования, которые влекли сюда людей со всех концов Русской земли, бьют до сих пор тем же свежим ключом, как били в XIV в. Если бы возможно было воспроизвести писанием все, что соединилось с памятью Преподобного, что в эти 500 лет было молчаливо передумано и пережито перед его гробом миллионами умов и сердец, это описание было бы полной глубокой содержания историей нашей всенародной политической и нравственной жизни⁷. Такой текст служит одновременно и источником, так как В. О. Ключевский свидетельствует о том, что он наблюдал непосредственно, и в то же время входит в историографию, ибо отражает позицию профессионального историка.

Существенной особенностью современного этапа этнографических исследований религиозности является возможность использовать обширный пласт интенсивно публикуемых источников. Это и репринтное воспроизводство множества дореволюционных изданий (патериков, миней, житий, поучений, записок, истории монастырей), включающих богатую этнографическую информацию, и впервые публикуемые источники о религиозной жизни России XX в. Среди первых особо отметим серию «Преподобные оптинские старцы» (издание Введенской Оптиной пустыни), в каждой книге которой воспроизводится подробное житие одного из старцев, написанное и опубликованное в провинции до революции, щедро излагающее разнообразный материал о русской духовной и материальной культуре XIX в.⁸ В силу обстоятельного описания домонастырской жизни старцев, данные такого рода источников выходят за пределы обитателей. Нередко ротопринтное воспроизводство дореволюционной истории монастыря бывает дополнено экскурсами в современную его жизнь⁹.

На второй группе источников остановимся подробнее, так как это совершенно новое явление, не известное еще нашему источниковедению.

Долгое время казалось, что внутренняя народная духовная жизнь периода гонений советского времени уже и не может быть изучаема по письменным источникам. Внешняя — может, по официальным документам: сколько церквей было закрыто, разрушено, использовалось по другому назначению; в каких (немногих) продолжали служить, какие были открыты во время войны и проч. Некоторые думали, что православная традиция вообще была прервана; иные представляли ее в чрезвычайно ослабленном виде: единичные фигуры «бабушек» в полутемных церквях на редких службах. Понятно, что это был взгляд со стороны, мнение тех, кто не жил обычной православной жизнью. А попробуй-ка, не живя ею, проникнуть в эту среду (даже с благой научной целью) в условиях доносов и преследований. Но вот условия изменились и стал выходить вонне богатейший поток уникальной информации, сохранившейся в дневниках, письмах, воспоминаниях, заметках, поучениях, умах и сердцах участников церковной жизни.

Для этнографии особый интерес представляют те публикации, в которых рассказывается о жизни и духовных подвигах конкретного лица, имевшего широкий круг постоянных духовных чад и пользовавшегося репутацией старца (старицы) и за пределами этого круга. Таким конкретным лицом может быть митрополит или епископ, иеромонах или приходской батюшка, или совсем простая женщина без образования. Пишут о них близкие люди, хорошо знавшие образ жизни своего духовника, и собравшие материалы у других участников. Часто жизнеописание сопровождается публикацией писем, воспоминаний,

отдельных свидетельств других лиц¹⁰. Для этого вида источников характерна четкость в свидетельствах о том, кто дал то или иное сообщение (как правило, указывается имя, отчество, фамилия, место жительства во время события, род занятий). Помимо жизнеописания самого подвижника благочестия, здесь выступает целый пласт духовной жизни народа. Это — своеобразные неформальные общины из верующих, духовно окормляемых одним лицом, их связи, взаимная поддержка; поездки (паломничества) к старцам; свидетельства об исцелениях, поучения в духовной жизни в конкретных обстоятельствах, прозрения событий, обличения и проч.

Представить себе степень детальности информации этого типа источников можно только обратившись к ним. «Из станицы Выселки собрались к Батюшке старушки, к ним присоединились и дети — собралось всего девять человек. Шли с благоговением: один кто-то шел впереди, читая Иисусову молитву, а остальные про себя повторяли; когда прочитывали сто молитв, пели „Отче наш...“, потом четки брал другой и снова таким порядком читал, а остальные повторяли. До места, где надо было свернуть на дорогу, ведущую к Батюшке, дошли уже затемно и забеспокоились, как бы не напали чабанские собаки или злые люди»¹¹. Или: «Как только собрали деньги, так сразу поехали в Богородск и там заказали икону „Взыскание погибших“. Когда сделали, присылают сказать: „Готово“. Тогда взяли подсвечник с тремя свечами, взяли икону со всем киотом и понесли ее от Богородска до самой церкви в с. Себено переносом с крестным ходом, с хоругвями.

Ну вот, так и донесли до нашего села. Пешком несли, на руках, а несли — не чувствовали тяжести, как перышко. И сама Матрюща ходила встречать за четыре километра, ее вели под руки. Вдруг она говорит: „Не идите дальше, теперь уже скоро, они уже идут, они близко“. Она вот слепая от рождения, а все говорила, как ведущая. „Вот, — говорит, — идут, сейчас через полчаса придут, принесут икону“. И правда: через полчаса показался крестный ход. Здесь на месте, где жители встречали икону, отслужили молебен и тогда только понесли ее до Себено. А Матрюща то держалась за икону, то ее вели под ручки — она слепая, не видела ведь она ничего. Когда принесли икону, опять молебен был, и икону поставили в нашем храме. Она там до сих пор так и стоит»¹².

Жизнеописания подвижников благочестия советского периода, в которых много внимания уделено и связанным с ними мирянам, проливают свет на сложнейшие вопросы взаимоотношений последних с духовным руководителем. За старцем Сампсоном духовные чада переезжали: из Мордовии — в Волгоград, из Волгограда — в Печоры, из Печор — в Москву. Те, кто не переезжал, переписывались. Около Псково-Печерской обители они составили свою общину (1957—1963 гг.): «Духовные чада Батюшки были в основном молодые, были и средних лет, и пожилые, но мало. Характеры горячие, но очень разные по натуре. Между ними случались и перебранки в первое время. Батюшка любил „боевых“, с ярко выраженными характерами, у которых после того, как сойдет мирская спесь, останется пламенно-огненная вера в Бога и Батюшку, прямота, верность Богу и Батюшке, трудолюбие < ... > Он писал подробные письма на малейшую деталь каприза, привычки, страсти, греха — лично каждому. Кроме того, он писал общие письма — для каждого дома — „скита“ (5—6 человек)». Так селились эти своеобразные общины около монастыря, но как это могло реализоваться в Москве? «Будучи заштатным священником, живя в Москве, шатаюсь и переезжая с квартиры на квартиру и терпя всевозможные невзгоды и неприятности... — пишет сам старец, — пережить страшно много и радостей и горя, радости, конечно, пастырской... Могу сказать, что я богатый человек, что именно все эти радости духовничества, как Святейший Патриарх Алексий назвал — старчества, — они мне как бы компенсировали все мои невзгоды. За это время я в Москве переменил 11 квартир! Фактически, я живу на колесах, будучи прописан во Владимирской области, живу в Москве. Но все-таки я могу сказать, что я счастлив, счастлив тем, что я пастырь, православный священник и монах-схимник».

А пасомые? «Постепенно все стали устраиваться на квартиры, и уже к зиме все

работали. Начала складываться более или менее нормальная жизнь». Нашлась постоянная (на срок более пяти лет) квартира и для о. Сампсона. «Ежедневно было более двадцати исповедников, совершалось соборование, служились молебны и т. д. — и все Господь покрывал. Конечно, со временем соседи начали замечать: „Какой-то странный старик живет. Что-то очень много народу ходит, какие-то странные люди городские и деревенские“ <...>. А ведь приезжие, действительно, были неуклюжи: человек 6—7 идут вместе с сумками, кошелками <...> А некоторые, не зная точного адреса, спрашивали у соседей <...> И после — опять тревога, опять неприятности. В тревоге жили и духовные чада Батюшки. Они тоже были гонимы и соседями, и участковыми <...> Постепенно к Батюшке стал съезжаться народ. Он стал вызывать остальных своих духовных чад. Кого-то оставлял в Москве, кого-то поселили в ее окрестностях. Стали появляться новые духовные из москвичей»¹³.

Сходная картина высказывается из свидетельств о других подвижниках. О блаженной Матроне рассказывает хозяйка домика в Царицыно (Москва): «Было на Матрону гонение, после ареста Зинаиды, где она жила на Арбате, и Екатерины, на Ульяновской, у родителей которой она когда-то жила. Я ее прописала <...> Много народу к ней ходило. Кто может, сам идет, а кто не может, на подводах везут»¹⁴.

«Духовные дети о. Арсения были многочисленны, а там, где поселял его Господь, появлялись они вокруг него, был ли это город, где он, ученый-искусствовед, принял иерейство и организовал в полузабытом приходе общину, деревня, куда его забросила ссылка, или затерянный в бескрайних лесах севера маленький городок, или страшный лагерь особого режима». После возвращения этого священника из лагеря вокруг него снова собираются люди: и те, кто обрели веру под его духовным руководством в лагере, и новые чада. «Рано утром <...> о. Арсений вставал и начинал утренние молитвы. Потом опять ложился, а в семь утра начинал службу до девяти. От семи до девяти, когда он служил, присутствовали все приехавшие к нему духовные дети и иногда Надежда Петровна (хозяйка — М. Г.). После службы он беседовал с приехавшими или работал. Писал письма, иногда диктовал их, когда плохо себя чувствовал <...> Приезжало очень много народа, именно, очень много»¹⁵.

Ценнейшее качество этого типа источников в том, что раскрывается и внутренняя, духовная сторона отношений мирян со старцем: в письмах-наставлениях (иногда они вкраплены в изложение событий, в других случаях публикуются отдельной подборкой), в воспоминаниях самих чад. «Укоряйте себя за всякое нарушение малейшее заповеди Божией, не допуская никакого самооправдания. Помните заповедь Спасителя: „Когда сотворите все повеленное вам, глаголите, яко рабы неключимы есмь“. А мы не только не делаем всех заповедей, но и ни одной как следует не исполняем, а гордиться и тщеславиться готовы на каждом шагу»¹⁶.

При всем разнообразии судеб, среды, местных обстоятельств прослеживается много общего в жизни неформальных духовных общин, возникших около отдельных подвижников, в движении к ним верующих из других мест. Все это явление в целом отнюдь не составляло какой-то особой церкви; источники изобилуют свидетельствами о причастности и самих старцев и стариц, и руководимых ими мирян к легально действовавшей русской православной церкви. Сама традиция обращения к особо выдающимся подвижникам благочестия имеет большую историческую глубину и достаточно известна, но факт сохранения ее в советское время становится нашим достоянием только сейчас.

Материалы новых источников дают возможность существенно углубить и расширить соответствующие разделы программ полевых исследований. Реальная духовная жизнь, недавняя, описанная ее участниками, подсказывает вопросы, которые должны быть заданы тем, кто может о ней рассказать.

Таковы предварительные замечания о некоторых особенностях этнологического изучения религиозности народа сегодня. Предварительны они потому, что

особый этап исследований духовной жизни, открывшийся со снятием запретов и гонений, начался совсем недавно и сделаны лишь первые шаги в реализации новых возможностей.

Примечания

¹ В недавнее время появились первые этнографические работы по православной традиции русской аристократии: *Мальцев М. В.* Почитание св. Архангела Михаила в русской православной традиции (опыт историко-этнографического исследования). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1994. С. 108—147; *Кириченко О. В.* О благочестии русских дворян 18 века // Православие и русская народная культура. Кн. 3. М., 1994. С. 123—228.

² *Буганов А. В.* Что читали русские крестьяне // Российская провинция. 1994. № 1. С. 93—99; *Громыко М. М.* Мир русской деревни. М., 1991. С. 273—318.

³ Житиеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Изд. Афонского Русского Пантелеимонова монастыря. 1909—1910; Житиеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Введенская Оптина пустынь. 1994. Июль. Август. Октябрь. Ноябрь. Репринт. изд.

⁴ *Громыко М. М.* О народном благочестии у русских XIX в. // Православие и русская народная культура. Кн. 1. М., 1993. С. 149—180.

⁵ *Громыко М. М., Кузнецов С. В., Буганов А. В.* Православие в русской народной культуре: направление исследований // Этнограф. обозрение. 1993. № 6. С. 60—68; *Громыко М. М.* Православие в жизни русского крестьянина // Живая старина. 1994. № 3. С. 3—5.

⁶ *Табрум А.* Религиозные верования современных ученых. М., 1912; *Вениамин (Феденчиков), митрополит.* О вере, неверии и сомнении. М., 1992. С. 91—102.

Ключевский В. О. Значение Преподобного Сергия для русского народа и государства // Очерки и речи. Второй сборник статей В. Ключевского. М., 1918. С. 199—200.

⁸ См., например: Житие преподобного иеросхимонаха Иллариона Оптинского, 1805—1873. Оптина Пустынь, 1993 (репринт. Калуга, 1897); Житие оптинского старца Иосифа. Письма Оптинского старца Иосифа. Оптина пустынь, 1993 (репринт. изд. Казанской Амвросиевой женской Пустыни, 1911 г.).

⁹ См., например: Верхотурский Свято-Никольский монастырь. Екатеринбург, 1994.

¹⁰ Старец иеросхимонах Сампсон. Житие Святого Преподобного Сампсона многострадального, исповедника нашего времени. Письма. Воспоминания о нем. М., 1994; Сказание о житии блаженной старицы Матроны / Составила и записала Жданова З. В. Свято-Троицкий Ново-голубин монастырь, 1993; Отец Арсений. М., 1993; *Иеромонах Дамаскин (Орловский).* Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия. Житиеописания и материалы к ним. Кн. 1. Тверь, 1992; *Игумен Никон.* Письма духовным детям. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1991; *Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн.* Митрополит Мануил Лемешевский (Биографический очерк). СПб., 1993; Старец Феодосий Иерусалимский, Северо-Кавказский чудотворец. М., 1994; *Дурасов Г. П.* Богом данная. Житиеописание блаженной старицы схимонахини Макарии. СПб., 1994; Старец Севастьян Карагандинский. М., 1994.

¹¹ Старец Феодосий... С. 18.

¹² Сказание о житии... С. 29—30.

¹³ Старец иеросхимонах Сампсон... С. 54—55, 77—79.

¹⁴ Сказание о житии... С. 80.

¹⁵ Отец Арсений... С. 10, 108.

¹⁶ Игумен Никон... С. 47.

Ethnographic study of a people's religiousness: Notes of the subject, methods, and distinctive features of the current stage of the research

One of the subjects of ethnography (ethnology) is an ethnic community's religion, the study of the believer's consciousness, local traditions and practices. At the present stage, the research into this topic is marked by an attempt to show the religiousness of all the layers of the society, to reveal the relation between the church and folk tradition, and to examine the period of former repression and current revival. A new type of sources is presented in the article — biographies of devotees of piety of the Soviet period, reflecting the life of informal Orthodox communities.

M. M. Gromyko